

ВСЕ ЖАНРЫ ХОРОШИ

М. ВОРОНОВ

Стол – стул; лампа – ночь.
Грусть, уходи, поди прочь!
Стоит ведь жить, желанье храня.
Ночь бьёт меня браня.
Ласки нет. Там за стеклом.
Тёплый свет чьих-то
Окон.
Как я, сгораю. Надо уйти от безумного шума ночи.
Стоит быстрее, скорее писать, целкости мыслей не потерять.
Строки помогут, они спасут.
Надо немного, останусь тут.
Усталость досталась – уже доволен.
Что тебе надо, ведь ты спокоен.
И не в неволе бьешься в ночи,
Чтоб утро родить запахом чудным потухшей свечи.
И солнце вставало везде и тут
Ярким румянцем твоих губ.
Пусть лишнее как-то уйдёт,
Твой в памяти мне приворот,
Лик оставив любимой в три четверти поворот.
Ты просыпаешься нежно, неслышно клубится заря,
День одарит надеждой,
Пусть ею стану я.

Любовь

Уходят из жизни друзья,
Пропадают, кто-то навеки.
Чаще заняты просто собой,
Там же груз навалился тяжёлый и свой...
Разобраться бы в собственной веке (?)
Снова ты остаёшься один...
Хорошо, что есть куча причин,
Чтобы не согрешить и уйти поспешить.
Что река рядом, парк,
Крик рябин.
Рядом ты, и меня не оставишь вовеки.
Вот такие они – люди.

М. БАЛАНДИНА

Я однажды уйду из города,
Может быть под конец ноября.
Ты придёшь, а в квартире холодно.
Ты тогда не ищи меня.
Мне дороги в судьбе прописаны.

В каждом доме я временный гость.
Плащ потрепанный, снегом засыпанный,
А в кармане рябины гроздь.
Я, наверно, уйду из города,
Только ты не ходи за мной.
В непогоду осенне-зимнюю
Уходить лучше одной.
След простынет и дождь успокоится.
А наутро уж ляжет снег.
На рассвете я им умоюсь
И продолжу свой вечный бег.

Я бегу по дорогам судьбы,
Сквозь препоны бетонных строений,
Сквозь железные створки московских
Хитро выкованных подземелий.
А за мною, шипя и брыкаясь мчится вал.
Он сметет без сомнений, он меня догоняет стремительно –
Пестрый кокон моих сновидений.
Вперемешку в нём прошлое с будущим,
Память с выдумкой сильно сплавилась
Что ж, реальность в мой замок облачный
Просочиться давно отчаялась.
Ну и чёрт с ней! Зачем мне постылая
Серых лестничных клеток сплетница?
С ней под руку уже находилась я,
Под конвоем, как будто пленница.
Лучше я променяю действительность
На полеты сверкающих выдумок.
Я открою ворота прозрачные,
Я их в серое утро вытряхну!
Пусть дивятся на яркие всполохи
Недовольные миром прохожие.
Пусть увидят другие вселенные
Слишком разные-непохожие.
Засияют узорной гирляндой
Совершенно другие звезды.
Нужно сделать так обязательно!
А то может стать слишком поздно!

Мне кажется, во мне что-то умерло,
Сегодня или еще раньше.
Будто все сцены прописаны, сценарии куплены,
Тошнит от собственной фальши.

Мне кажется, ты это чувствуешь.
На сто тысячный раз повторения.
Пропадают эмоции в голосе,
Слова мертвые без вдохновения.
Заметно в глазах помутнение,
Или мне это мне только кажется.
Я не знаю как скоро этот
Самообман на нас скажется.
Легко откупиться от совести:
Улыбкой, подарками, письмами,
Попробовать больше не ссориться
В прощение познать истину.
Легко измениться поверхностно –
Снизить страстей накал.
Всё туман, дурман, заблуждение
Или глаз дурной в глаз попал.
Мне кажется это бессмысленно.
Я бреду по колено в снегу,
Холодно. Мысли искрятся отрывисто.
Но вернуться я не могу.
Потерялась в собственной гордости
И в болоте гнилых страстей.
А горит ли свет в нашей комнате?
Как дойти туда сквозь метель?

О. ПАНОВ

Письма городам Письмо Студню

Санкт-Петербург – студень.

Не вырос кольцами, как Париж. Не сварился в кашу, как Москва. Не соткался, как Стамбул. Застыл. Кости сварили в бульоне. Бульон остыл. Желе затвердело. Город дрожит. Студень – русский холодец, французский *aspic de viande*, английский *meat jelly* – делают так: кости, хрящи, жилы варят долго, медленно. Из костей выходит желатин. Бульон остывает. Твердеет. Видишь сквозь него, но не ясно. Куски мяса видны, подвешены в желе. Желе прозрачное, но мутное. На тарелке дрожит. Санкт-Петербург такой же. Город построен на воде – болото, реки, каналы. Вода – бульон. Город построен на костях – тысячи умерли при строительстве (1703–1725, каторжники, солдаты, шведские пленные). Кости отдали свою субстанцию. Город застыл. Но дрожит. Под камнем – вода. Под гранитом – болото. Всё может растаять. Другие города твёрдые. Рим – камень на камне. Нью-Йорк – сталь на скале. Москва – кирпич, сваренный в массу. Петербург другой. Петербург – желатин. Идешь – поддается слегка. Стоишь – чувствуешь вибрацию. Ветер с Невы, метро под ногами, вода движется под асфальтом. Город не твёрдый.

Полутвёрдый. Держится, но еле. Это Петербург. Построен на смерти, плавает на воде, заморожен холодом, дрожит всегда. Город-студень.

Кости

Петербург построен на костях. Тысячи умерли при строительстве. Пётр I основал город в 1703 году на болоте в устье Невы. Место было стратегическое – выход к Балтийскому морю, «окно в Европу», – но земля непригодная. Болото, комары, наводнения. Никто там не жил. Пётр заставил. Он согнал крестьян, заключённых, солдат. Они осушали болото, вбивали деревянные сваи в грязь, закладывали фундаменты, строили Петропавловскую крепость, Адмиралтейство, первые дворцы. Работали в летнюю жару, в зимний холод, стояли по колено в воде. Умирали от болезней, истощения, холода. Оценки разнятся: 30 тысяч умерших, 100 тысяч, 300 тысяч. Никто не считал точно. Тела закапывали в братских могилах или бросали в болоте. Город построен на этих костях. Они – фундамент. Не метафорически, а буквально. Кости растворились в болоте, отдали свой желатин, спустили грязь, стабилизировали почву. Город держится, потому что держатся кости. Кости прибавились позже. Блокада Ленинграда (1941–1944): 872 дня, город окружён немецкими войсками, отрезан от снабжения. Миллион человек умерли – голод, холод, обстрелы. Умирали в квартирах, на улицах, в очередях за хлебом. Тела собирали, складывали штабелями, хоронили в братских могилах (Пискаревское кладбище: 420 тысяч тел, полмиллиона всего на кладбище). Кости ушли в землю. Ещё желатин. Ещё фундамент. Петербург – город смерти. Кости не скрыты. Они признаны – памятники, доски, кладбища. Но они также структурны. Город стоит на них. Студень сделан из них. Я шёл по Пискаревскому кладбищу однажды зимой. Могила не обозначены – просто холмы, ряды холмов, трава летом, снег зимой. Статуя в центре: Мать Россия, держит пшеницу, скорбит. Тишина. Птиц нет. Снег глушил звук. Я стоял и думал: вот фундамент. Вот что держит город. Кости в земле, желатин в болоте.

Вода

Петербург построен на воде. Нева течёт через город – 74 километра длиной, дренирует Ладожское озеро в Финский залив. Река широкая (400–600 метров в городе), быстрая (течение 3–4 км/ч), холодная (никогда не тёплая, даже летом). Нева не петляет – течёт прямо, решительно, равнодушно. Вокруг Невы: каналы. Мойка, Фонтанка, канал Грибоедова, Обводный канал. Каналы рыли в XVIII и XIX веках – осушить болото, контролировать наводнения, перевозить грузы. Каналы узкие, медленные, облицованы гранитными набережными. Зимой замерзают. Летом пахнут стоячей водой и водорослями. Под городом: болото. Болото никогда полностью не осушили. Оно там, под асфальтом, под зданиями. Город построен на деревянных сваях – миллионы свай, вбитых в болото. Сваи из лиственницы (сибирская лиственница, не гниёт